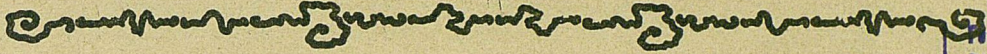
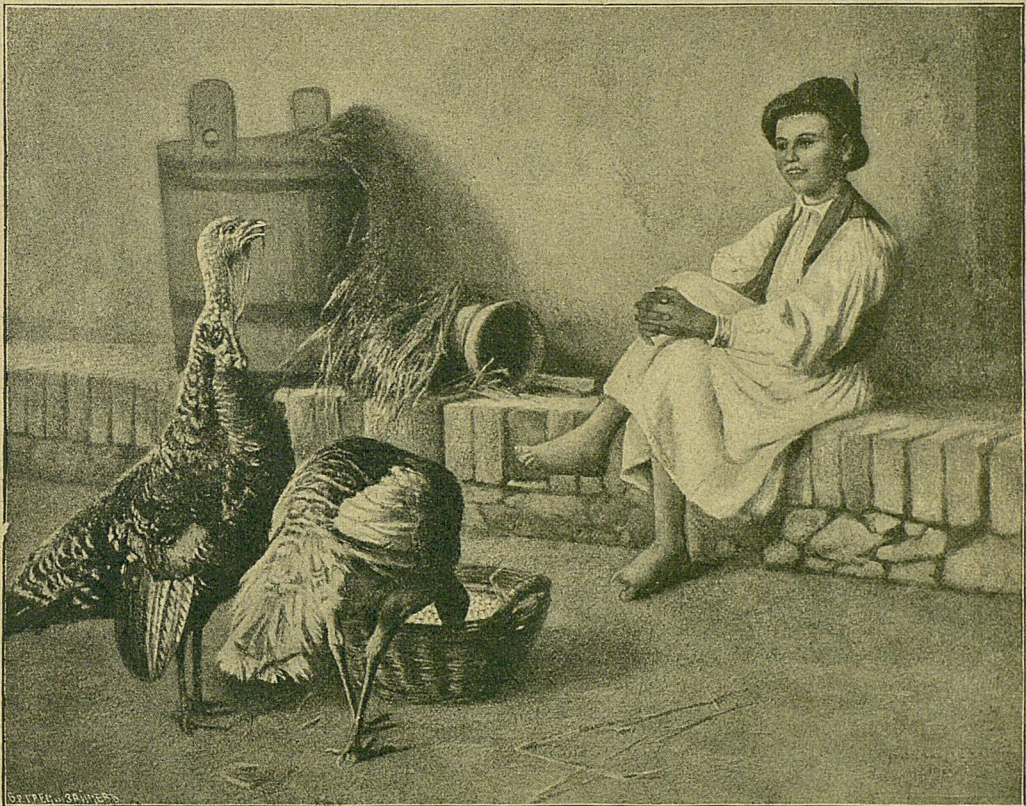

Звѣтлячокъ

1904 г. ◦ годъ III. ◦ № 2.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

Задразжилъ ихдюка!

Сказки-коротышки

Досужей Мышки.

ЛИСА И УТКА.

Увидала лиса утку на болотцѣ, захотѣлось ей уткой полакомиться,—она и говоритъ: — Что ты, сударушка, все въ водѣ да въ водѣ сидишь,— и лапки, и перышки мочишь?.. Выйди на бережокъ, пойдѣмъ на лужокъ, поиграемъ съ тобой, потѣшимся. Пойдемъ на село,

на ярмарку, накуплю я тебѣ бусъ стеклянныхъ, лентъ цвѣтныхъ, сарафанъ кумачный, козловые полусапожки. Вотъ ты у меня какая нарядная будешь!..

Встряхнула уточка головой, да и говоритъ:

— Ахъ, кумушка-голубушка!.. Да ты бы ко мнѣ сюда сошла, — тутъ мокрѣхонько,

ко мнѣ сюда сошла, — тутъ мокрѣхонько,

туть прохладно; поплаваемъ мы съ тобою въ волю; а къ нарядамъ господскимъ мы непривычны, намъ и такъ отлично!..

Хитра лиса, а уточка хитрѣй того, — чувствуетъ она, за что лиса ее любитъ да голубитъ, о чемъ хлопочетъ, за что дарить ее хочетъ.

Дружбу водить хорошо съ оглядкой.

СТРОГАЯ ВОРОНА.

Утащила собака кусокъ мяса. Совѣсть у нея нечиста, — она всего и боится, идетъ да озирается. Прилегла подъ заборомъ

и собралась, было, закусить.

Увидала ее ворона — завистливые глаза. Разгнѣвалась, растревожилась сударыня-вѣщунья... Крыльями захлопала да какъ каркнетъ во весь голосъ:

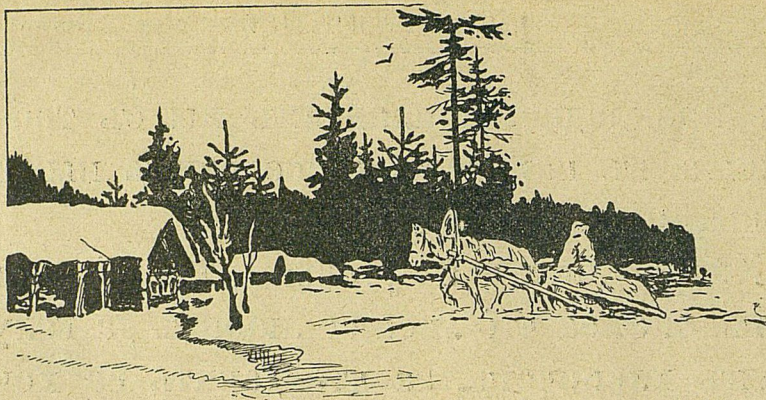
— Ка-арр!.. Да какъ ты смѣлъ, негодный, на такое дѣло пойти!.. Какъ ты смѣлъ, неблагодарный, у хозяевъ своихъ мясо утащить!..

Собака оторопѣла, уронила мясо. А ворона, не будь плоха, — цапъ его и утащила...

Досужая Мышка.

Дѣдушка-Морозъ.

Ходить по лѣсу съ дозоромъ
Русскій дѣдушка-морозъ
И пытливымъ смотритъ взоромъ
Въ чашу елей и березъ.
То тряхнетъ, шутя, осинкой,
То прищелкнетъ языкомъ,
То за зайкою съ дубинкой
Вдругъ припустится бѣгомъ.

Сердце бьется у косога,
Шепчетъ въ страхѣ онъ:—„Ой, ой!“
И отъ дѣдушки сѣдого
Межъ кустовъ летитъ стрѣлой.

Дѣдъ доволенъ и смѣется
Надъ трусишкой отъ души:
— „Плохо, братъ, тебѣ живется
„Въ вѣковой лѣсной глуши“...

И опять идетъ съ дозоромъ
Между елей и березъ
И веселымъ смотритъ взоромъ
Русскій дѣдушка-морозъ.

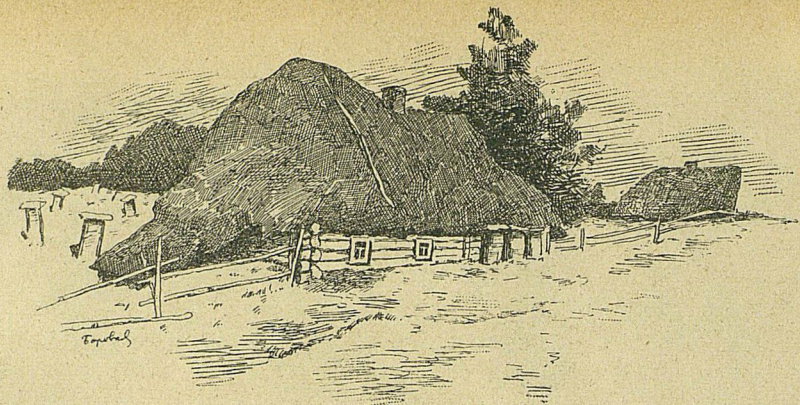

КОТАШКА-РАБОТНИЦА.

Не такъ поняль.

СКАЗКА.

Умираль одинъ хозяйственный мужикъ и, умирая, позваль единственнаго сына, уже большого, и говоритъ:

— Вотъ что, Ваня! Передъ смертью хочу тебѣ поученіе сказать... На вотъ тебѣ тысячу рублей, долгимъ трудомъ скопленную, возьми ихъ и живи!.. На работу поѣдешь,—„Богъ помочь“ никому не говори, хлѣбъ ѣшь съ медомъ, а на базарь поѣдешь,—возвращайся съ обновой... Такъ-то будетъ хорошо, и проживешь ты долго, въ довольствѣ да въ счастья...

Взяль Иванъ тысячу рублей, а отецъ вскорѣ послѣ того померь.

Сталь Иванъ на ту тысячу рублей жить. Въ поле выѣдетъ на работу,—никому „Богъ

помочь“ не скажетъ, домой прїѣдетъ, развалится на лавкѣ въ избѣ, кричитъ:

— Жена, давай изъ погреба кринку меда; хочу хлѣбъ съ медомъ ѣсть!

На базаръ поѣдетъ, каждый разъ съ обновой возвращается: то себѣ кафтанъ, то женѣ сарафанъ.

Такъ-то живучи, прожилъ Иванъ всю тысячу рублей и обѣднялъ до того, что нечѣмъ стало подати заплатить.

Вотъ приходитъ онъ къ старику - сосѣду за помощью и говоритъ:

— Что это случилось со мною? Жилъ я по завѣту отца, но нѣтъ мнѣ теперь не только счастья или довольства, а нечѣмъ даже подати заплатить. Помоги, Бога ради, заплати за меня, „Богъ помочь“ я никому не говорилъ, ѣлъ хлѣбъ съ медомъ, съ базара возвращаючись, каждый разъ то себѣ, то женѣ обнову привозилъ. Скажи, что за притча такая?

Покрутилъ старикъ - сосѣдъ головою и говоритъ:

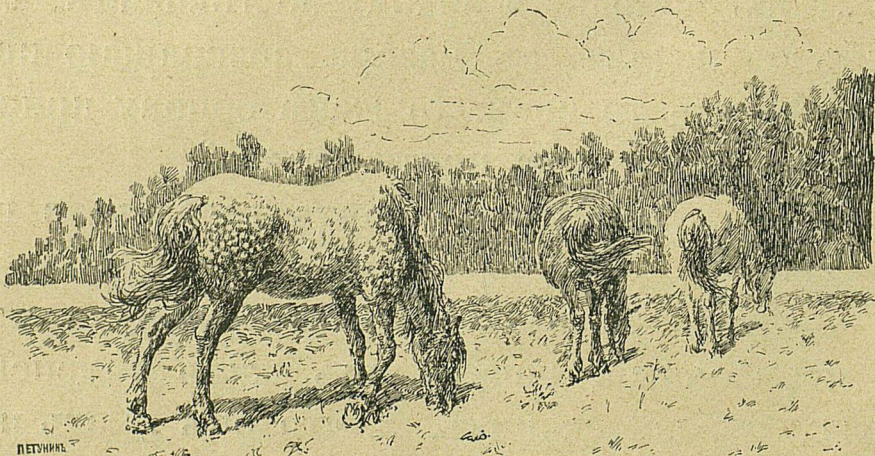
— Зналъ я твоего отца издавна, и завѣтъ его правильный, почему онъ жилъ и денегъ тысячу рублей скопилъ. А что онъ „Богъ помочь“ не подавалъ, такъ это потому, что не-

кому было говорить, — старикъ-то раньше всѣхъ на работу выѣзжалъ. А какъ поработаетъ вдосталь да придетъ домой обѣдать, такъ съ голода-то ему простой хлѣбъ кажется словно онъ съ медомъ, вотъ онъ и говаривалъ, что я, дескать, хлѣбъ съ медомъ ѣмъ. А съ базара-то какъ возвращался, изорвутся на немъ слушаемъ кафтанъ, рубаха или порты, онъ заплату поставить, вотъ тебѣ и обнова! Такъ-то весь вѣкъ живучи и умеръ старикъ въ достаткѣ.

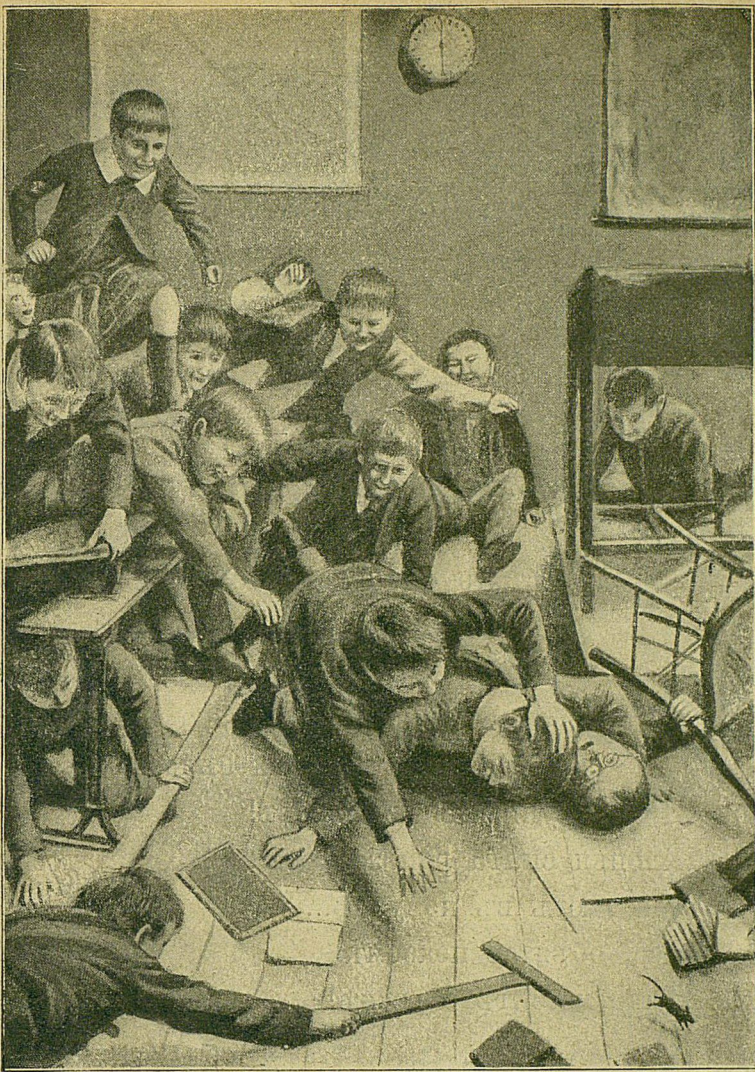
Выслушалъ сосѣда Иванъ, видитъ, что не такъ понялъ завѣтъ отца-старика, сталъ жить какъ слѣдуетъ и сдѣлался, какъ отецъ, зажиточнымъ мужикомъ.

Каз. Баранцевичъ.

А. А. Баранцевичъ

Гордость мышенка.

Говорят, — я не герой,
 Нѣтъ, герой,
 Да какой, —
 Разведете вы руками,
 Посудите только сами:
 Забѣжалъ я къ дѣтямъ въ классъ,
 И сейчасъ
 Всѣ за-разъ
 Закричали, что есть силы,
 И храбрецъ, и самый хилый

Повскакали кто куда...
 Шумъ, возня, — одна бѣда!..
 Доски аспидныя, книжки,
 Перья — вслѣдъ помчались мышкѣ;
 Въ норку я махнулъ стрѣлой;
 А за мной
 Суматоха все кипѣла,
 Въ норку всѣ ломились смѣло,
 Но ко мнѣ не смѣли влѣзть...
 Мышкѣ — слава, мышкѣ — честь.

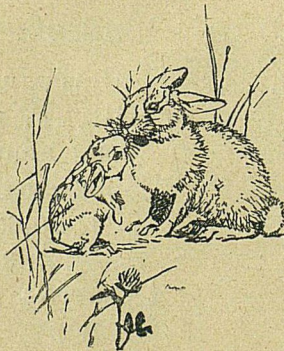

ЗИМОЙ.

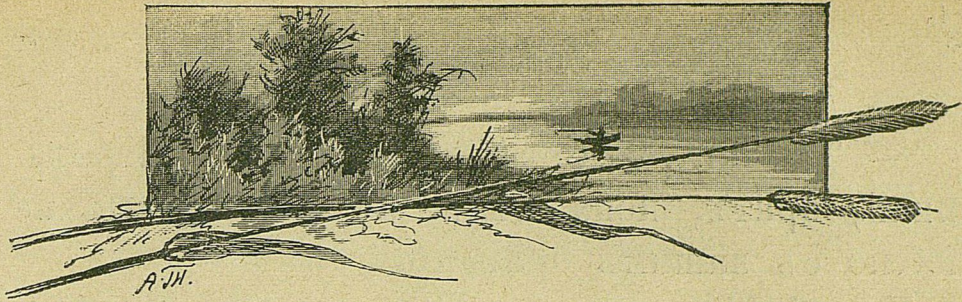
Разукрасила природу
Въ дорогой нарядъ зима;
Хрусталемъ покрыла воду;
На деревьяхъ—бахрома;
На поляхъ—пушистый, нѣжный,
Ослѣпительный покровъ,
И подъ крышей бѣлоснѣжной

Нити крупныхъ жемчуговъ!
Хлопья снѣга рой за роемъ
Упадаютъ въ полуснѣ...
Все, объятое покоемъ,
Тихо грезить о веснѣ!

А. Георгиева.

Лучшій другъ *).

(РАЗСКАЗЪ.)

II.

Откуда появился лучшій другъ Карла Ивановича — трудно сказать. Онъ точно изъ-подъ земли вынырнулъ. Разъ кучеръ задалъ порцію овса, Карлъ Ивановичъ подбѣжалъ къ кормушкѣ и увидѣлъ воробья, который преспокойно клевалъ зернышки. Карлъ Ивановичъ мотнулъ головой, махнулъ куцымъ хвостомъ, прижалъ уши и сердито фыркнулъ. Но воробей не обращалъ на него никакого вниманія.

— Эй, братъ! Куда ты залѣзъ?—сердито спросилъ Карлъ Ивановичъ.

— А ты куда лѣзешь?—смѣло и нахально отвѣтилъ воробей.

*.) Продолженіе.—См. „Свѣтлячокъ“ № 1-й.

— Да вѣдь овесъ-то мой...

— Тво-ой?.. Ты его, что ли, сѣялъ? Проваливай, братъ, пока цѣль, а то я шутить не люблю съ вашимъ братомъ...

Воробей нахохлилъ перышки и угрожающе разинулъ клювъ. Это было ужъ совсѣмъ смѣшно. Карлъ Иванычъ сообразилъ, что много ли воробью нужно, и пересталъ сердиться. Онъ засунулъ морду въ кормушку и съ особеннымъ удовольствіемъ сѣлъ свою порцію.

— Да ты откуда, въ самомъ-то дѣлѣ, взялся?—спросилъ онъ.

— Я-то? Да я постоянно здѣсь на дворѣ живу...

Воробьевъ на дворѣ жило не мало, и трудно было знать каждаго. Они прилетали къ кормушкѣ, когда Карлъ Иванычъ ѣлъ свой овесъ, и подбирали падавшія на землю зернышки. Но это былъ какой-то совсѣмъ отчаянный воробей.

— Я постоянно живу здѣсь,—не безъ гордости рассказывалъ воробей. — И мой отецъ здѣсь жилъ съ моей матушкой, и дѣдушка съ бабушкой, и дяди съ тетками, и мои дѣти здѣсь же будутъ жить. Однимъ словомъ, нашъ домъ споконъ вѣку.

Дружба была заключена. Воробей умѣлъ болтать безъ конца, и Карлъ Иванычъ умѣлъ безъ конца слушать. Другіе воробьи, поощренныя примѣромъ, тоже хотѣли пробраться въ кормушку съ овсомъ, но Карлъ Иванычъ ихъ прогонялъ и даже лягался. Онъ своего друга воробья узнавалъ сразу среди всѣхъ остальныхъ.

Когда наступила осень и сдѣлалось холодно, воробей на ночь забирался въ теплую конюшню и отлично здѣсь высыпался.

— Раньше я былъ молодъ и глупъ...— рассказывалъ воробей.

— Вотъ-вотъ, какъ я...

— Ну, зимой холодно, я и свилъ себѣ гнѣздо въ трубѣ... Тепла тамъ сколько угодно, только я чуть не задохся отъ дыма. Совсѣмъ скверная штука вышла... Въ другой разъ, думаю, буду умнѣе и меня тепломъ не проведешь. Я взялъ и свилъ себѣ гнѣздо тоже въ трубѣ, только въ водосточной. Ну, зиму прожилъ ничего. Все-таки хоть вѣтромъ не дуетъ. А только наступила весна, началъ снѣгъ на крышѣ таять, и я чуть не утонулъ со всей семьей. Вотъ тутъ и поживи, какъ знаешь... А тебѣ что: не жизнь, а масленица.

— Ну, не всегда... Вотъ если бы тебя стали подковывать,—другое бы запѣлъ. Потомъ, ты совсѣмъ не знаешь, что такое хлысть, особенно когда онъ въ^а рукахъ у кучера... да... Неприятно даже вспоминать. Тоже вотъ, когда зимой прямо въ ротъ засунуть холодныя удила...

— Да, конечно, это все неприятно,—согласился воробей.—Но все-таки тебя твой хозяинъ кормить, а у меня такого хозяина добраго нѣтъ...

— Зато ты можешь летѣть, куда хочешь. Вспорхнулъ и полетѣлъ, а меня добрый хозяинъ запретъ въ конюшню, и стой, какъ дуракъ. Нѣтъ лучше житья, какъ вашему брату, птицѣ.

— Захотѣлъ — полетѣлъ... — передразнивалъ воробей.—Развѣ я зря летаю? У меня вездѣ дѣла... Цѣлый день хлопочу за десятерыхъ. Ужъ не говорю, что самому надо прокормиться, а главное — надо семью кормить... Сколько мошекъ переловлю, сколько червей,—не пересчитать.

— А кто по грядамъ горохъ у бабъ воруетъ?—подшучивалъ Карлъ Иванычъ.—Баба посадить горошину, а ты ее и выкопаешь... Знаемъ мы твою работу. Недаромъ вездѣ по огородамъ чучела поставлены...

— Что такое горошина? Горошина—пустяки... А вотъ ты лучше расскажи, какъ лѣнишься воду возить. Свинья-свиньей въ оглобляхъ идешь... Смотрѣть смѣшно. А еще жалуешься на кнутъ... Небойсь, поголодалъ бы хорошенько, такъ вотъ бы какъ весело забѣгалъ.

Отъ нечего дѣлать друзья любили поспорить и подолгу перекорялись между собой. Особенно отличался въ этомъ отношеніи воробей, вообще отчаянный забіяка и задира. Впрочемъ, зимой онъ дѣлался смиренѣе и по цѣлымъ часамъ сидѣлъ, нахохлившись, гдѣ-нибудь на жердочкѣ. Особенно у него зябли тоненькія, точно сдѣланныя изъ проволоки ножки, и ему приходилось много и долго прыгать по двору, чтобы ихъ согрѣть. Но зато весной онъ превращался въ настоящаго буяна. Съ ранняго утра начиналъ метаться во всѣ стороны, отчаянно чиликалъ и на каждомъ шагу заводилъ драку съ другими воробьями.

— Какъ тебѣ не стыдно драться?—уговаривалъ его Карль Иванычъ.

— А если меня всѣ обижаютъ?

— И не думалъ никто обижать... Не дерусь же я ни съ кѣмъ. Бери съ меня примѣръ...

— Да тебѣ и подраться-то не съ кѣмъ, если бы и хотѣлъ... Да и старъ ты при этомъ.

— Это называется не старостью, а благо-разуміемъ... Развѣ хорошо драться? Ну, ты самъ подумай?..

Но тутъ случилось нѣчто необыкновенное... Карлъ Иванычъ заслуженный, опытный и серьезный конь, и вдругъ Карлъ Иванычъ подрался... И съ кѣмъ! Карлъ Иванычъ подрался со своимъ лучшимъ другомъ—воробьемъ... Это было совершенно невѣроятное событіе, которому никто не повѣрилъ бы, если бы не были благородными очевидцами пѣтухъ, двѣ утки, дворовый песъ Анчутка, скворецъ и всѣ остальные воробьи.

Дѣло происходило такъ:

Воробей обидѣлся на Карла Иваныча, за-чѣмъ онъ читаетъ ему наставленія.

— Что же, я, по-твоему, скверный воробей?—запищалъ онъ, принимая грозный видъ.

— Хорошаго немного...—уклончиво отвѣчалъ Карлъ Иванычъ.

Это взорвало воробья. Птица серьезная, а тутъ прямо въ глаза оскорбляютъ...

— Такъ я, значить, по-твоему, дрянь?.. А?!.—наступалъ онъ.

— Такъ себѣ... Хорошъ, когда спишь.

— А, такъ ты еще надо мной же и смѣешься, старый хрѣнь?!. Ты совсѣмъ выжилъ изъ ума, и кучерь мало тебя колотить кнутомъ... Ты—самая негодная лошадь, какую я только въ своей жизни видалъ! Никуда негодная лошадь...

— А ты, воришка, мой овесъ воруеть!..

— Слышите, слышите, что говоритъ эта старая кочерыжка?!.—ораль неистово воробей, обращаясь къ собравшейся публикѣ.—Я этого не позволю... да... Извините, я никому не позволю называть себя воришкой! Я... я... я...

— Да, дѣло серьезное...—замѣтилъ пѣтухъ.

— Значить, онъ и насъ всѣхъ считаетъ ворами,—прибавили другіе воробьи.

Воробей-забіяка бросился, какъ сумасшедшій, прямо Карлу Иванычу къ мордѣ. Карлъ Иванычъ фыркнулъ и замоталъ головой.

— А, не любишь!..—пищаль воробей.—Вотъ я тебѣ сейчасъ глаза выключю...

Карлъ Иванычъ лягнулъ задней ногой. Воробей не унимался. Онъ сълъ Карлу Иванычу прямо на голову, и потомъ на ухо. Последняго Карлъ Иванычъ не выносилъ. Онъ нѣсколько разъ лягнулъ обѣими задними но-

гами, потомъ вышибъ перегородку и бросился во дворъ, выдѣлывая отчаянные прыжки. Воробей гонялся за нимъ, стараясь сѣсть на уши. Получалась самая ужасная картина. Всѣ хотали надъ взбѣсившимся старикомъ до слезъ.

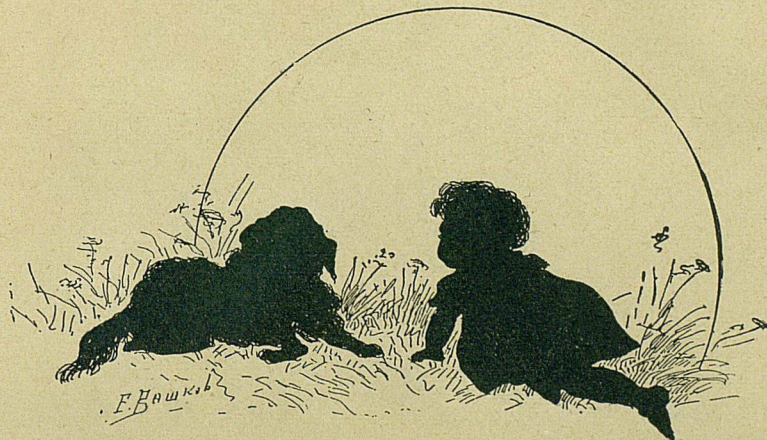
— Господа, смотрите!..— кричалъ воробей.— Онъ ужъ задыхается!..

Карлъ Иванычъ разсердился, какъ еще не сердился во всю свою жизнь. Онъ метался по двору, какъ сумасшедшій, брыкался отчаянно, моталъ головой, пока воробью не надоѣло за нимъ гоняться.

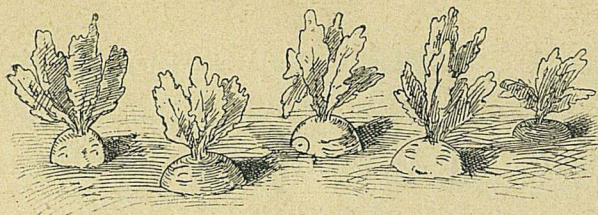
— Ну, сегодня довольно,— заявилъ воробей.— Эта кочерыжка будетъ помнить, какой я воръ!..

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(До слѣдующей книжки).

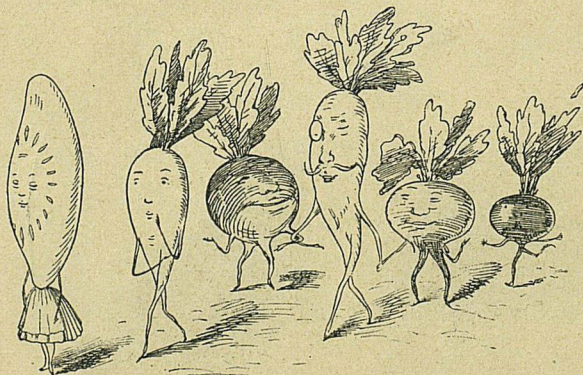

Попались!

(РАЗСКАЗЪ ХРЪНА.)

Мы сидѣли всѣ на грядкѣ
И играли словно въ прятки,
Знай себѣ,—надъ головой
Развѣваешь все ботвой...
Только осень наступила,—
За вихры насъ,—правда, мило?—
Другъ за дружкою пошли
Дергать ловко изъ земли...
И, сойдясь въ такой печали,
Тутъ другъ дружку мы узнали,
Познакомились затѣмъ:—

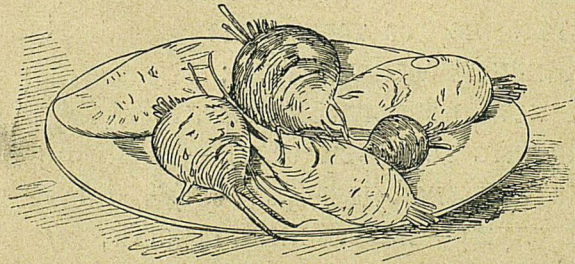

Рѣпа, рѣдка, бобъ, рѣдиска—
Хрѣнъ, морковь—сошлись близко...
И судить пустились мы,
Какъ въ теченіе зимы
Проводить мы будемъ время...
Но за насъ людское племя,
Все обдумавъ въ тотъ же часъ,
Разлучило нѣ-вѣкъ насъ...
И, живя потомъ въ разлукѣ,
Письма слали мы отъ скуки...
Бобъ писалъ, что съ нѣкихъ поръ
Онъ въ полку почти майоръ;
Рѣпа строчить, что не тужить
И въ театрѣ гдѣ-то служить;—
Рѣдка пишетъ, что она
Больно въ музыкѣ сильна,—
Стала знатной музыкантшей,
Жаль,—того не знала раньше;
А рѣдиска—удала,—
Гдѣ-то лавку завела...
А морковь въ письмѣ дразнила,
Что имѣніе купила
И, не вѣдая заботъ,
Какъ помѣщица, живетъ...
Это было все такъ мило
И меня весьма томило;
Я хоть въ погребѣ лежалъ,
Но имъ тоже отписалъ,—
На желѣзной-де дорогѣ
Я служу—начальникъ строгій,
Что ношу притомъ мундиръ
И зову ихъ всѣхъ на пиръ...
Но—о, будьте осторожны!—
Какъ во лжи понасться можно...

Нашъ хозяинъ въ добрый часъ
 Задалъ пиръ сосѣдямъ разъ...
 Блюдь наставлено тутъ было,
 Такъ что голову кружило,
 Глянулъ я туда, сюда,—
 Да и лопнулъ со стыда...
 Въ супѣ, рѣзанная ловко,
 Глядь,—помѣщица-морковка;
 Тамъ—актриса-рѣпа ждетъ,
 Кто ее себѣ возьметъ.
 Подлѣ масла—тихо-тихо
 Спитъ рѣдисная купчиха,
 Я жъ, какъ хрѣнъ, истертый весь,
 Принималъ участие здѣсь
 И смотрѣлъ, стыдомъ охваченъ,
 Какъ на блюдо,—строгъ и мраченъ,
 Влѣзь безъ формы, эполетъ
 Бобъ-майоръ на винегретъ.

Ткачъ-Основа.

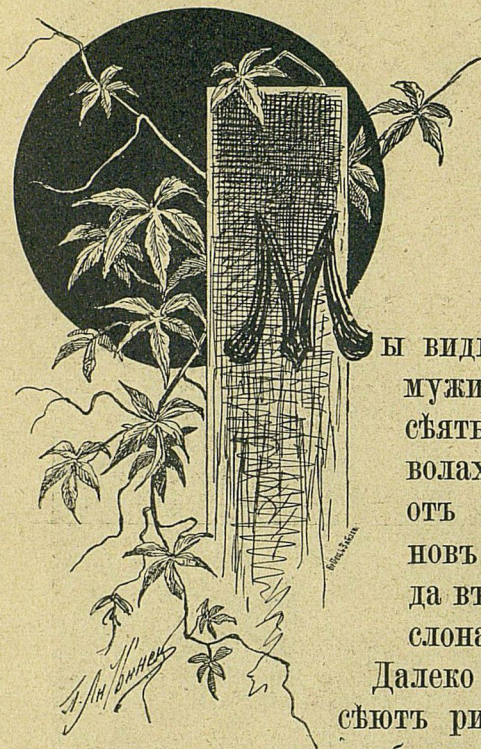

Вотъ страхъ-то: трубчистъ въ гости пришелъ!..

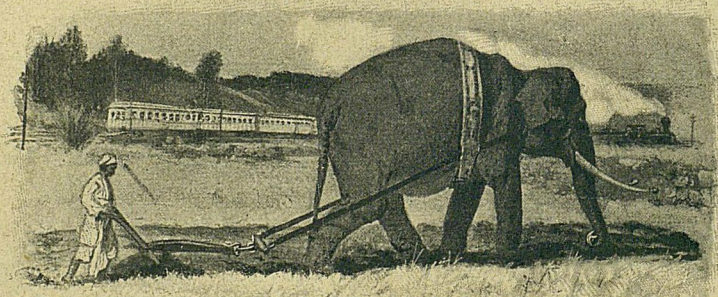

Слонъ-пахарь.

Мы видимъ весной и осенью въ деревнѣ,— мужики землю пахутъ, готовятъ ее, чтобы сѣять хлѣбъ. Пахутъ на лошадяхъ, на волахъ. Но въ другихъ странахъ, далеко отъ насъ,—пахутъ и на слонахъ. Слоновъ видѣли вы только въ звѣринцахъ да въ циркѣ, и, думаю, не разъ кормили слона бѣлымъ хлѣбомъ.

Далеко отъ насъ есть страна—Индія. Тамъ сѣютъ рисъ вмѣсто нашей ржи. Сѣютъ рисъ на болотистой землѣ. А эту землю надо пахать глубоко, не то она скоро затягивается. Для лошади, для быка тяжело пахать такую землю. Вотъ люди и придумали пахать

на слонахъ. Мало того, когда отъ жары пересыхаетъ земля,— слонъ качаетъ воду изъ колодца и ведрами поливаетъ взошедшій на пашнѣ рисъ.

М.